

УДК 81'25

ББК 81,1

ЭФЕМЕРНЫЕ ЛАКУНЫ: РЕЛЕВАНТНОСТЬ ДИСКУРСИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ

А. В. Алферов

Пятигорский государственный университет

Г. Е. Попова

Астраханский государственный технический университет

И. Г. Тамразова

Московский политехнический университет

EPHEMERAL LACUNAE: THE RELEVANCE OF THE DISCURSIVE TONALITY IN TRANSLATION

A. V. Alferov

Pyatigorsk State University

G. E. Popova

Astrakhan State Technical University

I. G. Tamrazova

Moscow Polytechnic University

Поступила в редакцию 3 декабря 2018 г.

Аннотация: в статье рассматриваются варианты лакунарности перевода, связанной с передачей имплицитной составляющей плана содержания на трех уровнях: формально-языковом, семантико-концептуальном и риторико-дискурсивном. Материалом исследования явились переводы произведений разных художественных жанров, объединенных дискурсивной эристической тональностью, основная черта которой – критический диссонанс, проявляющийся на уровне языковой личности автора и в речевом поведении персонажей. Авторы приходят к выводу о высокой степени лакунарности дискурсивной тональности в переводе. В работе предлагается амальгама семиотической, когнитивной и литературоведческой концепций перевода.

Ключевые слова: коннотация в переводе, дискурсивная тональность, эристическая тональность, концептуальный анализ текста, лакунарность перевода.

Abstract: the article considers different aspects of translation of the implicit content of literary text. The subject of the study is the analysis of the cases of conceptual, semantic and pragmatic lacunae in translation. The purpose of the article is to present translation as a process of secondary sign generation which implicative aim conveys the ideological intention of the author. The article describes the cases of untranslatability of certain discursive connotations associated with the concept of the tonality of discourse. The material of the research is the translations of works of different genres, united by eristic discursive tonality. The eristic tonality conveys a challenge that the author throws, through the speech of protagonists, to the generally accepted rules and knowledge. The paper proposes an amalgam of methods of semiotic, cognitive and literary conceptions of translation. The authors come to a conclusion about the high degree of lacunarity of the discourse tonality in translation. Connotative expression level of the eristic language personality demands an interpretive reflection on the conceptual level of the narrative text. The article contributes to the theory and practice of literary translation.

Key words: connotation in translation, discursive tonality, eristic tonality, conceptual analysis of literary text, lacunae in translation.

Dans le champs intellectuel, il n'y a pas de tâche plus humble
(que celle du traducteur) et malgré cela, plus immense¹.
José Ortega y Gasset (1883–1955) [1, p. 37]

Художественный перевод отличается тем, что в его основе лежит художественное *произведение*, т. е. свершившийся сложносемантический речевой акт, имеющий концептуально-интенциональное и перлокутивно-инференциальное измерения, которые требуют переводческого анализа. Переводческий семиозис – это семиозис, в котором интерпретанта становится отправной точкой воссоздания эвокативности художественного текста. Эвокативность – это множественность смыслов, рождаемых одним сложносемантическим знаком [2, p. 134], который побуждает к интерпретации изначально, даже *нативных* читателей, что воплощается в таких формулах, как «замысел», «мир образов», «концептосфера» автора и т. п. Очевидно, что литературоведческий подход к переводу художественного произведения оправдан, так как выходит за рамки знака *per se* в интенциональный и инференциальный контекст. Происходит *конструирование автора* (*author design* – ср. [3]) для последующего конструирования интенциональности произведения. Переводческий интент-анализ идет двумя путями: от *внешнего* контекста и от *внутреннего* контекста произведения. Внешний интенциональный контекст включает не только обстоятельства *de re* («условия создания произведения», «время и место действия», «реальность/нереальность события» и т. д.), но и авторскую идеологию *de dicto*, его идиолект и его «внутренний мир» – его концептуальность, «метафоры, которыми он живет», – не только в преломлении к переводимому произведению, но и ко всему его творчеству [4]. Такой анализ обеспечивает необходимый уровень «общих знаний» (*common ground*) в коммуникации «автор ↔ переводчик», которые впоследствии превращаются в переводческие пресуппозиции. В этой когнитивной интеракции переводчик активен, потому что он задает вопросы, ответы на которые дает автор своим творчеством. Вопросы эти должны рождаться при прочтении переводимого произведения, при воссоздании его внутреннего контекста. Этот контекст, опирающийся на внешние «общие знания», возникает внутри «знака-текста».

Внутренний контекст – это попытка проникновения в авторскую концептуализацию «возможного мира» литературного произведения. Интенциональность авторской концептуализации воплощается в авторской языковой картине этого мира. Соединение

концептуальной и языковой картин «фикциального мира» автора создает интенциональную **идеологию художественного произведения** [5].

Вопрос о возможности и степени проникновения переводчика в идеологическую интерпретацию эвокативного знака-текста ставит вопрос о вероятности *идеологической лакунарности перевода*. Эфемерность и идиосинкразийность коннотативного значения всегда вызывала сомнения в адекватности его передачи в переводе [2, p. 114 и след.].

Эвокативность литературного текста не равна сумме эвокативностей составляющих его единиц (некоторые трактовки эвокативности см. в [6]). То есть сумма коннотаций отдельно взятых элементов не всегда может привести к полной идеологической эквивалентности оригинала и перевода литературного произведения. Более того, определение коннотаций отдельных элементов плана содержания или плана выражения исходного текста должно идти «сверху вниз» (*top-down pragmatic processes* [7]), чтобы переводить «*non verbum e verbo sed sensum exprimere de sensu*» [8, с. 45]. Потому что идеологические смыслы не лежат в области простой семантики, синтактики и даже прагматических коннотаций отдельного языкового знака. Именно осмысление *концептосферы* текста (КТ) и ее корреляты – языковой картины мира (ЯКМ) автора/произведения в их идеологическом сопряжении определяет *значимость той или иной языковой формы и/или* (нюанса) смысла в тексте сложносемантического эвокативного знака – художественного произведения [9].

Таким образом, КТ и ЯКМ в совокупности образуют *идеологию* языковой личности автора, представленную в тексте оригинала [5]. В определенной трактовке теории релевантности [10; 11] адекватность перевода зависит от *степени* проникновения переводчика в инференционную систему оригинала, т. е. в когнитивную и интенциональную среду автора.

Интенциональная идеология – категория имплицитивная, не имеющая прямых семиотических коррелятов. Она не только объединяет план содержания (КТ) и план выражения (ЯКМ), но и придает этому объединению определенную векторность. В этом случае дискурс – это и есть челночное движение интеллекта между концептуальной и языковой картинками, между мыслью и языком. Векторность, направленность, ориентированность в сопряжении КТ и ЯКМ мы называем *тональностью дискурса*, рассматривая последний как средство соединения концепта (плана содержания, КТ) и его вербализации (плана выражения, ЯКМ).

¹ «В интеллектуальном плане задача переводчика необычайно скромна и в то же время огромна» (фр.).

Поэтому вопрос об идеологической (в нашем узком понимании) лакунарности перевода связан напрямую с вопросом о тональности дискурса как своего рода лингвистической реальности – *L-реалии* – в терминах *Теории реалий* А. А. Кретьева и Н. А. Фененко (см., например, [12]). Следуя одному из главных постулатов этой теории: «Реалии в одном языке всегда соответствует лакуна в другом», рассмотрим *тональность* как своего рода *дискурсивную L-реалию* и покажем степень ее лакунарности на отдельных переводческих опытах.

Эристическая тональность (ср. [13]) – это тональность вызова, который автор бросает всему и всем – общепринятым правилам и знаниям (*doxa*), стилю и форме выражения, вкусу и убеждениям (*beliefs*) читателя и общества – «всему, всем и самому себе» [14].

Великие авторы-эристы составляют когорту, в которую входят писатели и философы, начиная с Сократа и Платона, Боккаччо, Чосера и Рабле, к которой присоединяются Вольтер и Дидро, Салтыков-Щедрин и Сологуб, русские формалисты и французские экзистенциалисты, Шопенгауэр, Ницше, Хайдеггер, Деррида и др. Их произведения объединяет дискурсивная эристическая тональность [15].

В преломлении к художественному произведению под эристической языковой личностью в целом нами понимается «энунциальный субъект» (автор, персонаж), существующий вне определенных устоев, догм, правил и норм в различных их проявлениях (мысль-социум-политика-язык). Такой психо-коммуникативный тип литературного героя всегда ярок в силу своей девиантности и/или эксклюзивности. Это бунтарь, правдолюбец, борец – Александр Чацкий («Горе от ума»), Уинстон Смит («1984»), Том Джоуд («Гроздь гнева»), Рэндел Макмерфи («Кукушкино гнездо») и другие – носители социального протеста, обличители пороков общества, несправедливости, герои социального конфликта. Более прозаичным, часто меркантильным, но не менее типичным эристическим персонажем телевизионного нарратива является харизматичный доктор Хаус [16].

Но есть и другие герои-«эристы» – ироничные скептики, сторонние наблюдатели, посмеивающиеся над происходящим, созерцатели, «чужие на этом празднике жизни». К этому типу принадлежит, например, Печорин.

«Герой нашего времени» Лермонтова – один из ярких примеров эристической тональности. Концептосфера романа конфликтна (череда противоречий характеров и событий); вызов читателю-современнику Лермонтов бросает самим образом Героя, но не только в его «прямых» характеристиках, но и посредством унисонной отстраненности автора и героя от

описываемых событий, снисходительного, свысока, почти презрительного взгляда на людей, на их мотивы и потрясающие их коллизии. Эристическая (языковая) личность автора соединяется с интеллектуальной и психологической эристичностью его героя. В современной западной критике с романом Лермонтова сравниваются такие эристические по фабуле и пафосу произведения, как «Заводной апельсин» Э. Бёрджесса, романы Ч. Паланника, фильмы и пьесы Н. Лабута [17].

Можно выделить три уровня, на которых проявляется потенциальная лакунарность передачи в переводе эристической тональности: формально-языковой, семантико-концептуальной и риторико-дискурсивной. Первый связан с асимметрией плана выражения (наличие/отсутствие языковых форм, категорий и т. п.), второй проявляется в плане содержания на уровне концептосферы (художественного) текста, третий соотносится с типологическими дискурсивными характеристиками, такими как жанр, стиль, тональность и т. д. Все три уровня тесно переплетаются в пространстве (художественного) нарратива [18].

На формальном языковом уровне (план выражения) проявления эристичности разнообразны (от эксплицитных пейоративных морфо-лексических форм до инвективной лексики, форм полемической модальности и т. д.). Однако в романе Лермонтова эти формы, как правило, имплицитны и проявляются лишь при анализе, построенном на концептуализации «сверху вниз» (*top-down processes*). Суть этого интерпретационного процесса, необходимого для переводческого анализа, заключается в том, что переводу конкретных слов и предложений предшествует концептуальный анализ, т. е. определенные «способы обнаружения концептов и репрезентации их содержания» [19, с. 57], а также выявление «номинативных полей концептов, субконцептов, концептов-элементов» [18, с. 55].

Например, эристичность вербализации концепта «Женщина» в ЯКМ «Героя нашего времени» проявляется по-разному. В идеологии (КТ + ЯКМ) автора видится снисходительно-участливое отношение к Белле и Вере, отстраненно-враждебное восхищение разбойницей-ундиной и презрительно-насмешливый взгляд на княжну Мэри.

На формальном уровне это достигается, в частности, гендерно маркированной диминутивной формой существительных и прилагательных [20]. В концептосфере романа эта «ласковая снисходительность» существует на уровне концепта-элемента концепта «женщина» [18]. В силу системных различий ИЯ и ПЯ, вопрос передачи в переводе этого важного элемента языковой и концептуальной картины романа далеко не тривиален:

М. Ю. Лермонтов

...большой пунцовый платок покрывал ее белые **плечики**, ее маленькие **ножки** прятались в пестрых персидских туфлях

...я быстро прижал ее **маленькую ручку** к губам своим [21].

Wisdom & Murray

...a large scarlet shawl covered her white **shoulders**, and her **tiny feet** were concealed in a pair of brightly colored Persian slippers

...I rapidly pressed her **little hand** to my lips [22].

M. Parker

...her white *shoulders* were covered by a large crimson kerchief, and her **little feet** were hidden in a pair of many-coloured Persian slippers

...I quickly pressed her **little hand** to my lips [23].

Этот, казалось бы, незначительный концепт-элемент и языковой нюанс ЯКМ становится очевидным, если сравнить «женский портрет» с мужским, где гендерный диминутив исчезает в оригинале:

М. Ю. Лермонтов

...его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его **маленькой** аристократической **руке**...

...его худощавые, жилистые и **маленькие руки**... [21].

Wisdom & Murray

His gloves, soiled by travel, seemed as though made expressly for his **small**, aristocratic **hand**...

His **small**, lean, sinewy **hands**... [22].

M. Parker

His soiled gloves seemed to have been made for his **small**, aristocratic **hands**... his lean, **small**, sinewy **hands**... [23].

Гендерность распространяется и на метонимическую номинацию:

М. Ю. Лермонтов

Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькали порою **пестрые шляпки любительниц уединения** вдвоем, потому что всегда возле **такой шляпки** я замечал или военную фуражку или **безобразную круглую шляпу**... [21].

Wisdom & Murray

Beneath the avenues of the vines with which the slope of Mashuk is covered, occasional glimpses could be caught of the **gay-coloured hat of a lover of solitude** for two-for beside **that hat** I always noticed either a military forage-cap or the **ugly round hat** of a civilian... [22].

M. Parker

Through the avenues of vines that cover the slope of Mashuk I caught occasional glimpses of **variegated bonnets** that evidently belonged to **seekers of solitude** for two, since **each bonnet** was invariably accompanied by an army cap or an **ugly round hat**... [23].

Примеры показывают, что в переводе почти теряется гендерность уменьшительно-ласкательной формы: «**маленькая** аристократическая **рука**» (Печорин) – **small**, aristocratic **hand** – vs – «(прижать) маленькую **ручку** (к губам)» (княжна Мэри) – **little hand**; «наклонила **головку**» – bent **her head**. Часто теряется и «гендерность» денотата (кому принадлежит шляп(к)а – мужчине или женщине): **hat of a lover/seeker of solitude**.

Этот элемент, присущий языковой личности автора, иногда компенсируется в ЯКМ перевода при помощи существительных (**bonnets**), прилагательных (**little vs small**), но чаще исчезает вообще. Тем более что оба английских прилагательных далеко не всегда выражают именно «душевно-ласкательное» значение русского диминутива. Ср.:

М. Ю. Лермонтов

– **выглядывает розовое личико**;

– **отвечала она с иронической гримаской**;

– **она наклонила головку**;

– **женский, свежий голосок**;

– **кругом ее могилки** и т. п.

[21].

Wisdom & Murray

– a rosy **little face** looking out;

– she answered, with an ironical

little grimace;

– She bent **her head** and blushed slightly;

– the voice was a **woman's**,

young and fresh;

– Around her **little grave**... [22].

M. Parker

– a **pretty rosy-cheeked face** looking out;

– she replied, with an **ironical little grimace**;

– She bent **her head** and blushed faintly;

– the voice was **pleasant, feminine**;

– **The small grave** is now surrounded... [23].

Лишь некоторые компенсации концептуально важного гендерного диминутива нам кажутся удачными: **розовое личико** – **pretty rosy-cheeked face**; **пестрые шляпки** – **variegated bonnets** (M. Parker).

Одним из ярких эристических концептов романа является «водяное общество» – отдыхающие, принадлежащие, как правило, к дворянскому сословию. Автор (совпадающий в этой части нарратива с героем) с большой иронией описывает нравы и

«водяное общество» –

society of the watering-place –
(J. H. Wisdom & M. Murray).

the spa society
(M. Parker).

Оба варианта вместе отражают весь объем понятия – с одной стороны, подчеркивается место формирования этого «социального вида» – watering-place, с другой – (более современное) понятие курорта-«спа», которое коннотативно включает в себя особый образ жизни его обитателей. Казалось бы, оба варианта симметричны (термин Е. А. Огневой) с концептом оригинала. Но обратимся к внутренней форме имени. Лермонтовская ирония состоит в том, что это не просто люди, живущие на курорте (the spa society), это именно кусочек высшего света, «дворянское собрание», претенциозное и напыщенное, со своими мелочными («водяное»), праздными «тревогами», «огорчениями» и даже, как мы видим из повествования, «маленькими (и большими) трагедиями». Такая эристическая **ирония** в большей степени отражена в транслеме *society of the watering-place* (досл. «общество водопооя»). Таким образом, адекватность перевода *Wisdom & Murray* очевидна. Ее концептуальная симметрия состоит в передаче коннотативного, контекстуального и ситуативного значений, добавляющихся к понятийной семантике имени [4].

Степень «прочувствованности» коннотативной эристичности, несомненно, зависит от «чувства языка» переводчика. Концептуальная эристичность героя непременно отражается на лексико-семантическом уровне. Один из таких моментов перевода романа Лермонтова отмечает переводчик и литературный критик Т. Д. Сергай (*Timothy D. Sergay*), анализируя удачный в этом случае перевод Н. Рэндэлл (*N. Randall*): «I found a number of good lexical choices, such as her handling of Lermontov's opposition of *priiateli* to *druzhiba* in "Princess Mary" (May 13th):

«Мы друг друга скоро поняли и сделались *приятелями*, потому что я к *дружбе* неспособен: из двух друзей всегда один раб другого...» –

«We quickly understood each other and *became friendly*, because I am not capable of *true friendship*: one friend is always slave to the other... (84, italics mine)» [24].

По мнению Т. Д. Сергай, *became friendly* в большей степени отражает концептуальный уровень высказывания Печорина, подчеркивающего разницу между понятиями 'друг' и 'приятель', чем лексические *транслемы* (термин Е. А. Огневой) "*pals*" (В. На-

повадки этого «эндемического человеческого подвита», сформировавшегося вокруг целебных источников, но ведущего бурную курортную жизнь. Обратимся к трансляции имени этого концепта в двух переводах:

боков) и "*chums*" (M. Schwartz), которые не передают эристической дистанции [25].

Речевые портреты эристических персонажей – это присутствие отстраненности, отрицания, иронии, эксплицитное выражение «когнитивного диссонанса» между нормами, правилами, принятыми в окружающей их действительности, и их внутренним идеальным миром, вступающим в противоречие с реальностью. Это проявляется в парадоксальности мышления и высказываниях, в афористичности речи и колкости по отношению к собеседникам – представителям этой чуждой им реальности. Необычность природы, несомненно, отражается в речевом портрете говорящего субъекта. Одним из ярких эристических персонажей второго типа («ироничные скептики») является герой И. Ильфа и Е. Петрова, «охотник за табуретками», *Остан Ибрагимович Берта Мария Бендер-бей* (!) [26]. Исходя из гипотезы о наличии в речевом портрете этого литературного героя релевантных черт, относящихся к эристическому рече-психологическому типу 'субъекта говорящего' (*subjectum loquens*), проследим, насколько эквивалентна передача таких средств характеристики литературного персонажа в переводе. К гипотезе нашего исследования относится и положение о том, что речевой портрет литературного персонажа в ПЯ не всегда передает все нюансы, доступные носителям языка подлинника, именно в вопросе об эристичности его речевого поведения. Можно предположить наличие лакунарных психо-речевых *реалий* [27], характеристик литературного героя, остающихся за рамкой семантики и концептосферы переводного произведения (о роли речевых черт персонажа в концептосфере перевода см. [28]).

Для поставленной цели прежде всего необходимо обозначить языковые и дискурсивные средства, характеризующие речевой портрет говорящего как эристической языковой личности (несомненно, за эристичностью персонажа стоит *стилистическая эристичность автора*, его эристическая интенция – см. [29]).

Проследим эти лакунарные речевые реалии на следующих примерах. Материалом исследования на этот раз выступает перевод романа «12 стульев» – "Les douze chaises", созданный Аленом Прешаком (Alain Préchac) [23].

1. Интертекстуальность иронии:

– Ну, – сказал Остап, – *вам памятник нужно нерукотворный воздвигнуть* [26, с. 56].

В данном переводе пушкинский прецедентный текст маркирован затекстовым комментарием переводчика: «*Allusion littéraire d'Ostap et clin d'oeil des auteurs au lecteur: «erexi monumentum» horatien est aussi le thème d'un poème de Pouchkine, écrit en 1836*» [30, p. 558] (в нашем переводе: *Литературная аллюзия Остапа и намек авторов читателю: «erexi monumentum» (sic!) Горация, повторяющийся у Пушкина*). Очевидно, что понять иронию цитации французский читатель не сможет, видя в высказывании не

– Eh ! bien, fit Ostap, il faudrait *vous élever un monument impérissable* [30, p. 78].

иронию Остапа, а скорее его начитанность. Кроме того, *un monument impérissable* – «незыблемый монумент» не симметричен лексеме «нерукотворный», обозначающий литературное наследие (Пушкина). Эта *делокутивная сема* [31] и создает на самом деле семантическое рассогласование и парадокс: воздвигнуть «нерукотворный памятник» кому-то по заказу нельзя. В *monument impérissable* (незыблемый) эта сема утеряна, и вместе с ней эристический вызов (насмешка) в высказывании персонажа.

2. Коллоквиальность номинаций и речевые клише:

– А деньги?

– Какие деньги? – сказал Остап, открывая дверь. – Вы, кажется, спросили про какие-то деньги?

– Да, как же! За мебель! За ордера!

– *Голуба*, – пропел Остап, – *ей-богу*, клянусь честью покойного батюшки. *Рад душой, но нету*, забыл взять с текущего счета.

Старик задрожал и вытянул вперед хилую свою лапку, желая задержать ночного посетителя.

– *Тише, дурак*, – сказал Остап грозно, – говорят тебе русским языком – завтра, значит, завтра. Ну, пока! *Пишите письма!..* [26, с. 57].

В данном отрывке эристичность коммуникации передана благодаря универсальности формул-клише, употребляющихся в ситуации конфликта. Они расходятся по семантике внутренней формы, но это не снижает их эквивалентности. Но каков Бендер в русском и во французском текстах? Они разные. Первый (русский) – холодный и циничный, он практически отмахивается от несчастной жертвы обмана. Почему? Да потому, что на две реплики обиженного старика, он обрушивает *шквал* коротких клишированных отговорок, «отсылов», выраженных разговорными формулами, имеющими в русском обиходе именно статус пустых автоматизмов, фразеорефлексов [32]. Он буквально топит собеседника своим напором, смысл слов при этом дефокусируется, а *салиентным* становится количество реплик и энергия их краткости (квантитативный параметр эристичности [31]). Французский же Остап куртуазен, что, кстати, не умаляет цинизма самой предметной ситуации. Однако речевой портрет достаточно искажен. В какой-то степени за счет различной иллокутивной семантики в лексических заменах: *Голуба* (пренебрежительно-сокращенная просторечная форма) и *Mon petit*

– Et l'argent ?

– Quel argent ? fit Ostap, en ouvrant la porte. Il me semble que vous avez parlé d'argent?

– Comment ! Et pour les assignations, le mobilier ?

– *Mon petit*, chanta Ostap, *Dieu m'est témoin*, je le jure sur la mémoire de mon pauvre papa : *de grand cœur, mais je n'en ai pas sur moi*. J'ai oublié de passer à la banque.

Le vieux se mit à trembler et tendit une maigre patte pour retenir le visiteur du soir.

– *Silence, crétin*, dit Ostap d'une voix mauvaise, on te dit en russe demain, cela veut dire demain. *Portez-vous bien ! Ecrivez !* [30, p. 80].

(ласковое обращение «Малыш», понимаемое французами, конечно же, как ироничное, но тем не менее, ласковое); *ей-богу* (речевой автоматизм, потерявший иллокутивную силу клятвы) и *Dieu m'est témoin* (вполне искреннее выражение «божбы» = «Клянусь богом!»); *Рад душой, но нету* (короткий фразеорефлекс с категоричной перлокуцией, выраженной просторечным *нету* – «нет и все тут») и *de grand cœur, mais je n'en ai pas sur moi* (речевой акт оправдания с элементом аргументативного извинения – «не захватил с собой», – здесь просторечная категоричность оригинала полностью отсутствует). И последнее – *Пишите письма!..* в русском обиходе это не то же, что *Пишите!* и понимается как смягченная форма «отсыла». Французское *Portez-vous bien ! Ecrivez !* только контекстуально может быть понято как ирония, но с потерей грубоватой иллокутивной коннотации «отсыла». В остальном же мы, конечно же, имеем очень хороший, адекватный литературный перевод.

И еще два примера эристичного речевого поведения, связанного с отмеченным не единожды функционалом эристики, – это ее людическая функция, своего рода ерничество и притворство:

3. Речевая «пристройка снизу» за счет макаронической речи:

– Да, – сказал Остап, — так это вы инженер Щукин?

– Я. Только уж вы, пожалуйста, никому не говорите. Неудобно, право.

– О, пожалуйста! *Антр-ну, тем-а-тем*. В четыре глаза, как говорят французы. А я к вам по делу, товарищ Щукин.

– Чрезвычайно буду рад вам служить.

– *Гран мерси*. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул [26, с. 125].

В приведенном отрывке перед переводчиком стояла нетривиальная задача передачи французских заимствований на французский язык. Он выполнил ее, выделив корреляты курсивом во французском тексте [30, р. 290]. Потери в речевом портрете несомненны, но, как говорится, кто сделает лучше? Хотя, может быть, английский язык мог бы прийти на помощь? И еще одно добавление, меняющее энергетику русского персонажа. Это *А я к вам по делу, товарищ Щукин*. Эта фраза может быть понята и как

4. Театральность, драматизация диалога (градация):

– Ого! – сказал технический руководитель. – Я вижу, что вы делаете успехи. Только не шутите со мной. *Зачем вы оставили стул за дверью? Чтобы позабавиться надо мной?*

– Товарищ Бендер, – пробормотал предводитель.

– *Ах, зачем вы играете на моих нервах! Несите его сюда скорее, несите!* Вы видите, что новый стул, на котором я сижу, увеличил ценность вашего приобретения во много раз. Остап склонил голову набок и сощурил глаза.

– *Не мучьте дитю*, – забасил он наконец, – где стул? Почему вы его не принесли? [26, с. 126].

Здесь практически идеально удалось передать карнавальность речи Остапа с градацией вычурности, приводящей к строгому, угрожающему «где стул?». Это говорит о мастерстве маститого французского переводчика. Однако «в осадок» выпадает «*Не мучьте дитю*». Эристичность этой формы достигается за счет людического введения просторечной формы – шуточного коверканья языка, – представляющего «вызов» языковой норме.

Такая социально-лингвистическая эристичность акцента, говора, стиля представляет наибольшую

– Oui, dit Ostap. Alors, c'est vous l'ingénieur Chtchoukine ?

– Moi-même. Mais ne racontez l'histoire à personne, je vous en supplie. C'est quand même gênant.

– Oh ! mais je vous en prie ! *Entre nous, tête-à-tête. Entre quatre-z-yeux*, comment disent les Français. *Quant à moi, voyez-vous, camarade*, je venais vous trouver pour une petite affaire.

– Je serais absolument enchanté de pouvoir vous être utile.

– *Grand merci*. C'est une bagatelle : votre épouse m'a chargé de venir chez vous chercher cette chaise [30, р. 290].

преамбула к просьбе («пристройка снизу»), и как строгое замечание, подчеркивающее значимость визита О. Бендера («в желтых ботинках»). Мы склонны видеть в ней второй смысл. В любом случае фраза лаконична и энергична. Чего нельзя сказать о французском варианте: *Quant à moi, voyez-vous, camarade, je venais vous trouver pour une petite affaire*. Здесь, скорее, слышится вычурность извинения, что также меняет представление о русском речевом прототипе.

– Oho ! dit le directeur technique. Je vois que vous faites des progrès. *Mais trêve d'innocentes plaisanteries*.

– *Pourquoi avez-vous laissé la chaise derrière la porte ? Pour faire une petite blague à votre ami ?*

– Camarade Bender, murmura le président.

– Ah ! *pourquoi vous jouez-vous de mes nerfs ? Apportez-la vite, apportez-la vite!* Vous voyez que la nouvelle chaise sur laquelle je suis assis augmente considérablement vos chances. Остап pencha la tête et plissa les yeux.

– *Bourreau d'enfants*, dit-il enfin d'une voix grave, *où est la chaise ?* Pourquoi ne l'avez-vous pas apportée ? [30, р. 292].

трудность для передачи в переводе, и как мы видим, ею, казалось бы, можно пренебречь. Если только такая «аномалия» не становится жанрообразующей или идиостилистической доминантой (ср. язык И. Бабея, А. Платонова [33; 34]).

Приведем отрывок из «Одесских рассказов» И. Бабея [35], с его блистательным «одесским жаргоном». Не комментируя детали, заметим, что эристические элементы этого великолепного в своей аномальности языка источника (тавтология, анализм) частично теряются при переводе, ввиду систем-

ного аналитизма французского языка, и поэтому нам кажется, что это не вина переводчиков:

Я простой человек, без хитростей, – сказал Фроим, – я *нахожусь при моих конях* и занимаюсь *моим* занятием. Я даю новое белье *за Баськой* и пару старых грошей, и *я сам есть за Баськой*, – кому этого мало, пусть тот горит огнем...

В результате представленных в статье рассуждений и наблюдений мы приходим к выводу о высокой лакунарности дискурсивной тональности, о возможности и необходимости создания сопоставительной лингвистической типологии эристических приемов в художественном нарративе и в разножанровых дискурсивных средах взаимодействующих лингвокультур.

Необходимо подчеркнуть важность для трансляции психолингвистических и идиостилистических характеристик речи автора и персонажа как неперемного условия адекватной передачи концептосферы литературного произведения, в частности, эристической семантической коннотации (имплицитности) и дискурсивной тональности перевода. Проблема эристичности речевого действия и взаимодействия автора, персонажей и переводчика (интерпретатора) расширяется за счет жанровой и институциональной эристичности речи автора текста – сатирика, полемиста, критика и обличителя. И этим ведает не только литературная критика, стилистика и жанрология, но и переводоведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ortega y Gasset J. La révolte des masses* / J. Ortega y Gasset / Traduit de l'espagnol par L. Parrot. – P. : Librairie Stock, 1937. – 207 p.
2. *Ladmiral J.-R. Traduire : théorèmes pour la traduction* / J.-R. Ladmiral. – P. : Gallimard, 1994. – 280 p.
3. *Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication* / A. Mustajoki // *Language and Dialogue*. – 2012. – № 2:2. – P. 216–243.
4. *Алферов А. В. Некоторые лингвокогнитивные аспекты художественного перевода* / А. В. Алферов, Г. Е. Попова // *Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та*. – 2017. – № 1. – С. 69–71.
5. *Алферов А. В. Концептосфера художественного текста и перевод* / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова // *Текст и дискурс : кодирование и декодирование. Коллективная монография* / ред. А. А. Корниенко. – Пятигорск, 2017. – С. 64–106.
6. *Беданоква З. К. Эвокативность как когнитивно-семиотическая и речезыковая форма (на примере российской рекламы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук* / З. К. Беданоква. – Тверь, 2018. – 44 с.

Je suis un homme simple, sans malice, dit Phroïm, *je possède mes chevaux* et je fais mon métier. Avec Baska, je donnerai du linge neuf et quelques sous, *et puis il y a moi, en personne, derrière Baska, que celui à qui ça ne suffit pas grille à petit feu...* [35, p. 88–89].

7. *Tendal M. A Hybrid Theory of Metaphor : Relevance Theory and Cognitive Linguistics* / M. Tendal. – London : Palgrave Macmillan, 2009. – 282 p.

8. *Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе* / У. Эко ; пер. с итал. А. Н. Ковалю. – СПб. : Symposium, 2006. – 574 с.

9. *Gutt E.-A. Translation, Metarepresentation and Claims of Interpretive Resemblance* / E.-A. Gutt // *Similarity and Difference in Translation* / Ed. by Stefano Arduini and Robert Hodgson. – New York, 2004. – P. 93–101.

10. *Попова Г. Е. Категория релевантности в речевой интеракции* / Г. Е. Попова // *Актуальные аспекты интеракционной теории языка : коллективная монография* / ред. А. В. Алферова и Е. Ю. Кустовой. – Пятигорск, 2013. – С. 42–76.

11. *Gutt E.-A. Translation and Relevance* / E.-A. Gutt. – New York : Routledge, 2010. – 284 p.

12. *Кретов А. А. Лингвистическая теория реалии* / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2012. – № 1. – С. 121–128.

13. *Карасик В. И. Коммуникативная тональность* / В. И. Карасик // *Вестник Северо-Осетин. гос. ун-та имени К. Л. Хетагурова*. – 2008. – № 4. – С. 20–29.

14. *Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики французского и русского эристических дискурсов (контрастивный анализ)* / И. Г. Тамразова // *Вестник Моск. гос. открытого ун-та. Сер.: Общество-политические и гуманитарные науки*. – 2013. – № 4. – С. 55–57.

15. *Тамразова И. Г. Культурологические и прагматические аспекты эристических речевых практик* / И. Г. Тамразова // *Вестник Пятигор. гос. лингв. ун-та*. – 2009. – № 1. – С. 197–201.

16. *Pillièrre L. «Dr. House» and the Language of Offence* / L. Pillière // *Aspects of Linguistic Impoliteness*. – Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 60–74.

17. *Reid R. The Critical Uses of Translation: Lermontov's "A Hero of Our Time" Essays in Poetics* / R. Reid // *The Journal of the British Neo-Formalist School*. – 1986. – № 11 (2). – P. 55–90.

18. *Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста : монография* / Е. А. Огнева. – 2-е изд., доп. – М. : Эдитус, 2013. – 282 с.

19. *Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и Практика : учебник-практикум* / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 4-е изд., испр. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 496 с.

20. Долгова Е. Ю. Специфика описаний мужского и женского миров в прозе М. Ю. Лермонтова / Е. Ю. Долгова // *Художественное сознание : консолидация естественно-научного и гуманитарного подходов : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова*. – Самара : ПГСГА, 2014. – С. 229–232.

21. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 228 с.

22. *Lermontov M.* A Hero of Our Time / Translated from the Russian by J. H. Wisdom & Marr Murray. – New York : Alfred A. Knopf, 1916. – 333 p. / Electronic Text Center, University of Virginia Library. – Mode of access: <http://intersci.ss.uci.edu/wiki/eBooks/Russia/BOOKS/A%20Hero%20of%20Our%20Time%20Lermontov.pdf>

23. *Lermontov M.* A Hero of Our Time / Translated from the Russian by Martin Parker. – Everyman Library, 1995. – 185 p. – Mode of access: <http://litread.me/book/183084/103701-104805>

24. *Lermontov M.* A Hero of Our Time / Translated from the Russian by Natasha Randall / Foreword by Neil LaBute. – Penguin Classics, 2009. – 208p.

25. *Sergay T. D.* New But Hardly Improved : Are Multiple Retranslations of Classics the Best Cultural Use to Make of Translation Talent? / T. D. Sergay // *Russian Language Journal*. – 2011. – Vol. 61. – P. 33–50.

26. *Ильф И.* Двенадцать стульев : роман / И. Ильф, Е. Петров. – М. : ОНИКС 21 век, 2001. – 350 с.

27. *Фененко Н. А.* Две стратегии перевода реалий / Н. А. Фененко // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2009. – № 1. – С. 121–128.

28. *Фененко Н. А.* Комическое в тексте оригинала и перевода / Н. А. Фененко // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2005. – № 2. – С. 97–104.

29. *Тамразова И. Г.* Нормы речевого поведения и релевантность высказывания / И. Г. Тамразова // *Общественные науки*. – 2017. – № 2–1. – С. 362–366.

30. *Ilf I.* Les Douze Chaises. Roman / I. Ilf, E. Petrov. Traduit du russe par Alain Préchac. – P. : Scarabée & Compagnie, 1984. – 547 p.

31. *Тамразова И. Г.* Полиmodalность французского эристического дискурса : опыт интеракционного исследования / И. Г. Тамразова // *Политическая лингвистика*. – 2018. – № 4 (70). – С. 96–103.

32. *Тамразова И. Г.* Стереотипность делокутивов. Фразеорефлексы / И. Г. Тамразова // *Общественные науки*. – 2017. – № 1. – С. 278–285.

33. *Радбиль Т. Б.* Языковые аномалии в художественном тексте : Андрей Платонов и другие : монография / Т. Б. Радбиль. – М. : Флинта, 2012. – 322 с.

34. *Кабал-Гуарро М.* Как переводить Платонова и не казаться самым бездарным переводчиком в мире / М. Кабал-Гуарро // *Stephanos*. – 2016. – № 3 (17). – С. 230–234.

35. *Babel I.* Одесские рассказы. Contes d'Odessa / I. Babel / Traduction par A. Bloch, S. Sentz-Michel. – P. : Gallimard, 2013. – 140 p.

REFERENCES

1. *Ortega y Gasset J.* *La révolte des masses*. Traduit de l'espagnol par L. Parrot. Paris: Librairie Stock, 1937. 207 p.

2. *Ladmiral J.-R.* *Traduire : théorèmes pour la traduction*. Paris: Gallimard, 1994. 280 p.

3. *Mustajoki A.* A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication. In *Language and Dialogue*. № 2:2. 2012. P. 216–243.

4. *Alferov A. V., Popova G. E.* Nekotorye lingvokognitivnye aspekty hudozhestvennogo perevoda [Some linguistic and cognitive aspects of literary translation]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2017. № 1. P. 69–71.

5. *Alferov A. V., Kustova E. Y., Popova G. E.* Konceptosfera hudozhestvennogo teksta i perevod [Conceptual sphere of the literary text and translation]. In *Tekst i diskurs: kodirovanie i dekodirovanie*. Ed. by A. A. Kornienko. Pyatigorsk, 2017. P. 64–106.

6. *Bedanokova Z. K.* Evokativnost' kak kognitivno-semioticheskaya i rechezykovaya forma (na primere Rossijskoj reklamy). [Evocation as a cognitive-semiotic and linguistic form in the Russian advertising]. Avtoreferat diss. ... dokt. filol. nauk. Tver', 2018. 44 p.

7. *Tendal M.* *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. London: Palgrave Macmillan, 2009. 282 p.

8. *Eco U.* *Skizat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* [Dire quasi la stessa cosa esperienze di traduzione] / Perv. s ital. A. N. Kovalya. Sankt-Peterburg: «Symposium», 2006. 574 s.

9. *Gutt E.-A.* Translation, Metarepresentation and Claims of Interpretive Resemblance. In *Similarity and Difference in Translation*. Ed. by Stefano Arduini and Robert Hodgson. New York, 2004. P. 93–101.

10. *Popova G. E.* Kategoriya relevantnosti v rechevoj interakcii [Category of relevance in spoken interaction]. In *Aktual'nye aspekty interakcional'noj teorii yazyka. Kollektivnaya monografiya* [Current trends in the interactive theory of language]. Ed. by A. V. Alferov, E. Y. Kustova. Pyatigorsk, 2013. P. 42–76.

11. *Gutt E.-A.* *Translation and Relevance*. New York: Routledge, 2010. 284 p.

12. *Kretov A. A., Fenenko N. A.* Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of realia]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2012. № 1. P. 121–128.

13. *Karasik V. I.* Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative tonality]. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Hetagurova*. 2008. № 4. P. 20–29.

14. *Tamrazova I. G.* Funkcional'no-pragmaticheskie harakteristiki francuzskogo i russkogo ehristicheskikh di-

- skursov (kontrastivnyj analiz). [Functional and pragmatic characteristics of French and Russian eristic discourses (contrastive analysis)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo otkrytogo universiteta. Seriya: Obshchestvenno-politicheskie i gumanitarnye nauki*. 2013. № 4. P. 55–57.
15. Tamrazova I. G. Kul'turologicheskie i pragmatiskursivnye aspekty ehristicheskikh rechevyh praktik [Cultural and pragmatic aspects of eristic speech practices]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009. № 1. P. 197–201.
16. Pillière L. «Dr. House» and the Language of Offence. In *Aspects of Linguistic Impoliteness*. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 60–74.
17. Reid R. The Critical Uses of Translation: Lermontov's "A Hero of Our Time" Essays in Poetics. In *The Journal of the British Neo-Formalist School*. 1986. No. 11(2). P. 55–90.
18. Ogneva E. A. Kognitivnoe modelirovanie konceptsfery hudozhestvennogo teksta. [Cognitive modelling of narrative text]. 2nd edition. Moscow: Eriditus, 2013. 282 p.
19. Babenko L. G., Kazarin Y. V. Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika. [Linguistic analysis of literary text. Theory and Practice]. 4th edition. Moscow: Flinta: Nauka, 2006. 496 p.
20. Dolgova E. Y. Specifika opisaniy muzhskogo i zhenskogo mirov v proze M. Y. Lermontova [The specificity of the descriptions of the male and female worlds in prose of M. Y. Lermontov]. In *Hudozhestvennoe soznanie: konsolidaciya estestvenno-nauchnogo i gumanitarnogo podhodov: materialy vsereossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 200-letiyu so dnya rozhdeniya M. Y. Lermontova*. Samara: PGSGA, 2014. P. 229–232.
21. Lermontov M. Y. *Geroj nashego vremeni* [A Hero of Our Time]. Moscow: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1962. 228 p.
22. Lermontov M. *A Hero of Our Time* / Translated from the Russian by J. H. Wisdom & Marr Murray. New York: Alfred A. Knopf, 1916. 333 p. / Electronic Text Center, University of Virginia Library. Available at: <http://intersci.ss.uci.edu/wiki/eBooks/Russia/BOOKS/A%20Hero%20of%20Our%20Time%20Lermontov.pdf>
23. Lermontov M. *A Hero of Our Time* / Translated from the Russian by Martin Parker. Everyman Library, 1995. 185 p. Available at: <http://litread.me/book/183084/103701-104805>.
24. Lermontov M. *A Hero of Our Time* / Translated from the Russian by Natasha Randall / Foreword by Neil LaBute. Penguin Classics, 2009. 208 p.
25. Sergay T. D. New But Hardly Improved: Are Multiple Retranslations of Classics the Best Cultural Use to Make of Translation Talent? In *Russian Language Journal*, Vol. 61, 2011. P. 33–50.
26. Il'f I., Petrov E. *Dvenadcat' stul'ev* [The twelve chairs]. Moscow: ONIKS 21 vek, 2001. 350 p.
27. Fenenko N. A. Dve strategii perevoda realij [Two strategies for translating of realia]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2009. № 1. P. 121–128.
28. Fenenko N. A. Komicheskoe v tekste originala i perevoda [Comic features in the text of the original and translation]. In *Vestnik VGU, Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2005. № 2. P. 97–104.
29. Tamrazova I. G. Normy rechevogo povedeniya i relevantnost' vyskazyvaniya [The Norms of Speech Behavior and relevance of the Statement]. In *Obshchestvennye nauki*. 2017. № 2–1. S. 362–366.
30. Il'f I., Petrov E. *Les Douze Chaises*. Traduit du russe par Alain Préchac. Paris: Scarabée & Compagnie, 1984. 547 p.
31. Tamrazova I. G. Polimodal'nost' francuzskogo ehristicheskogo diskursa: opyt interakcional'nogo issledovaniya [The polymodality of the French eristic discourse: the experience of interactional research]. In *Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 4 (70). P. 96–103.
32. Tamrazova I. G. Stereotipnost' delokutivov. Frazee-refleksy [The delocutive stereotypes & Speech reflexes]. In *Obshchestvennye nauki*. 2017. № 1. S. 278–285.
33. Radbil' T. B. *Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie* [Language anomalies in the literary text: Andrey Platonov and others]. Moscow: Flinta, 2012. 322 p.
34. Kabal-Guarro M. Kak perevodit' Platonova i ne kazat'sya samym bezdarnym perevodchikom v mire [How to translate Platonov and doesn't seem to be the most incompetent interpreter in the world]. In *Stephanos*. 2016. № 3 (17). P. 230–234.
35. Babel I. *Odesskie rasskazy* [Odessa stories]. Contes d'Odessa. Traduction par A. Bloch, S. Sentz-Michel. Paris: Gallimard, 2013. 140 p.

Пятигорский государственный университет

Алферов А. В., доктор филологических наук,
профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации

E-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Pyatigorsk State University

Alferov A. V., Doctor of Philology, Professor of the
French Philology and Intercultural Communication
Department

E-mail: ale-alfyorov@yandex.ru

Астраханский государственный технический университет

*Попова Г. Е., кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков*

E-mail: pebble2406@mail.ru

*Astrakhan State Technical University
Popova G. E., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Foreign Languages Department
E-mail: pebble2406@mail.ru*

Московский политехнический университет

*Тамразова И. Г., кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков*

E-mail: ilona999@mail.ru

*Moscow Polytechnic University
Tamrazova I. G., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Foreign Languages Department
E-mail: ilona999@mail.ru*